

DOI: 10.15372/HSS20170109
УДК 94(57)+314.4

Е.И. КРАСИЛЬНИКОВА

**ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ МЕСТ ПАМЯТИ,
СВЯЗАННЫХ С СОБЫТИЯМИ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1920-е гг.)**

Новосибирский государственный технический университет,
РФ, 630073, г. Новосибирск, пр-т К.Маркса, 20
Новосибирский государственный аграрный университет,
РФ, 630039, г. Новосибирск, ул. Добролюбова, 160

Статья посвящена характеристике процесса формирования системы военно-революционных памятных мест в городах Западной Сибири в 1920-х гг. Установлены контексты государственной политики памяти, отразившейся на отборе памятных мест, их маркировке и дальнейшем использовании в идеологических целях. Определяется роль истпартов, музеев и участников военно-революционных событий в рассматриваемом процессе. В статье приводятся примеры памятных мест, сведения о которых были зафиксированы в мемуарных источниках. Сообщаются способы их использования. По мнению автора, формировавшаяся в 1920-х гг. система памятных мест, использовавшаяся в идеологических целях, была связана с реальной коллективной памятью революционеров и подпольщиков, акцентировала специфику местных событий и героизировала подвиги сибиряков. Однако эта система начала терять актуальность уже в следующем десятилетии.

Ключевые слова: памятные места, политика памяти, коммеморация, мемориализация, Западная Сибирь.

E.I. KRASILNIKOVA

**FORMING THE SYSTEM OF MEMORIAL PLACES RELATED
TO THE EVENTS OF REVOLUTIONS AND CIVIL WAR IN WESTERN SIBERIA (1920s)**

The purpose of the article is to characterize the process of forming the system of memorable sites associated with the Revolution and Civil War in Western Siberia cities in 1920s. The study expands understanding of the memorial public policy at the initial stage of Soviet history, relationship between the collective memory of Siberians about the revolutionary process and the Civil War in the region and an official memorialization of military-revolutionary events. The author explains in what way the context of the memorial public politics was reflected in objects selection, which were recognized as memorial in the given years, as well as their political mythologizing and symbolic marking.

The article reports on the role of memories of the military-revolutionary events participants, who lived in Tomsk, Novosibirsk, Barnaul and Omsk, in forming the official Revolutionary Military topography of cities, and the role of employees of Istparts and local history museums collecting these memories, and designing the system of memorial sites on their base. Most often revolutionaries and undergrounders recalled places, where the change of the government was announced publicly in the city, or places where the new power structures, safe houses and other places of secret and open political protest activities were located.

Many sites were related to the memory of the Civil War victims: prisons, places of torture, execution and burial of the dead. The forms of applying identified memorial sites for ideological purposes are established. Stories associated with these places were published in periodicals, photos of the places were used in the exposition and exhibition activity of municipal museums, tours to the places were planned. Finally, the author came to the conclusion that the formed system of memorable sites reflected in Siberians minds a subjective, emotional and fragmentary memory of military-revolutionary events in regional cities. A unique regional narration about the Revolution and Civil War was created where heroes of local history dominated. However, this tendency practically did not develop in the following decade.

Key words: memorials, memorial policy, commemoration, memorialization, Western Siberia.

Екатерина Ивановна Красильникова – д-р ист. наук, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирский государственный аграрный университет, e-mail: katrina97@yandex.ru.

Ekaterina I. Krasilnikova – doctor of historical sciences, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk State Agrarian University.

Как известно, в России в 20-е гг. XX в. шел процесс активного заполнения обжитого городского пространства многочисленными символами памяти, связанными с советской трактовкой недавнего военно-революционного прошлого. В символическом пространстве современных городов Западной Сибири многие из этих объектов до сих пор занимают заметное место. Однако это уже практически не касается объектов второстепенного значения, некогда составлявших в комплексе с военно-революционными мемориалами единую систему памятных мест. Реконструкция этой системы, размытой временем, способствует углублению научных представлений о политике советского государства в отношении памятных мест 1920-х гг. и о типичных исторических образах, составлявших основу коллективной памяти населения, в том числе жителей западносибирских городов, связанной с военно-революционным прошлым. Политизированные символы памяти, включенные в городскую среду и ежедневно присутствовавшие в жизни человека, корректировали его память о недавнем прошлом, внушая конкретные оценки и вытесняя те образы, которые не актуализовались посредством воздействия на память извне.

Цель данного исследования – дать характеристику процессу формирования в 1920-х гг. системы памятных мест, связанных с революцией и Гражданской войной в городах Западной Сибири. Для этого потребуется объяснить контексты советской политики памяти, отразившейся на обозначенном процессе; установить, кем и в опоре на какие свидетельства в городах Западной Сибири формировалась официальная система военно-революционных памятных мест; определить, какие именно места включались в эту систему, а также выяснить способы их использования в идеологических целях.

Памятные места, созданные в западносибирских городах в период между Гражданской и Великой Отечественной войнами, были описаны еще в советское время авторами однотипных справочных изданий [1; 2 и др.]. Публикация похожих краеведческих работ продолжилась и в постсоветское время [3 и др.]. Новым этапом осмысления места и роли революционных мемориалов в культурной среде западносибирских городов стали историко-культурологические работы омских ученых В.Г. Рыженко, Д.А. Алисова, В.Ш. Назимовой [4; 5]. Проблеме создания военно-революционных мемориалов в Томске и Новосибирске, рассмотренной в контексте политики памяти межвоенного периода, посвящена отдельная работа автора данной статьи [6].

Основным источником для нашего исследования послужила делопроизводственная документация учреждений, работавших над увековечиванием памяти о революции в Западной Сибири и о Гражданской войне – истпартов (комиссий по истории Октябрьской революции) и краеведческих музеев. Их сотрудниками были собраны многочисленные мемуары очевидцев указанных событий (революционеры, подпольщики, красноармейцы). На основе таких текстов

преимущественно и конструировалась официальная военно-революционная топография. Памятные места фотографировались. Часть этих снимков сохранилась в архивных фондах (ГАТО) и также оказалась востребована нами в связи с целью нашего исследования. Торжественные открытия памятных мест и их посещения в праздники нередко описывали местные газеты, что также помогло нам осмыслить специфику формирования памятных мест в западносибирских городах.

В методологическом отношении данное исследование базируется на подходе, широко известном на Западе, а в последние годы и в России, под названием «memory studies». Опираясь на разработки теоретиков этого подхода, мы определяем памятное место как вид коммемораций, т.е. сознательных социальных актов передачи нравственно, эстетически, мировоззренчески или технологически значимой информации (или актуализации ее) путем увековечения определенных лиц и событий [7, с. 1]. В рамках данного исследования памятные места понимаются как объекты городской среды, намеренно созданные с целью запечатления, хранения и трансляции коллективной памяти об актуальных для общества исторических событиях и лицах. Мы также используем понятие «политика памяти», включающее способы и сами процессы идеологизации прошлого, создания о нем с помощью памяти социальных представлений и национальных символов, необходимых власти [8, с. 41].

Истоки государственной политики памяти, оказавшей решающее воздействие на формирование в городах Западной Сибири системы памятных мест, следует искать в правительственных решениях периода Гражданской войны. В 1918 г. В.И. Ленин разработал план монументальной пропаганды, основополагающим документом которого стал декрет СНК «О памятниках республики». В соответствии с этой программой в Петрограде, в Москве, да и по всей стране началось активное увековечивание памяти о революционном процессе в России, о Гражданской войне и о тех, кто был признан героями соответствующих событий. Москва жестко контролировала каналы трансляции строго определенной версии коллективной памяти о революции и Гражданской войне. В идеологии начала 1920-х гг. доминировала идея мировой революции. Поэтому первые военно-революционные мемориалы выражали интернациональные смыслы и в своем символическом воплощении не имели привязки к конкретным событиям в данном месте. Ориентир на мировую революцию отразился и на уровне создания памятных мест второстепенного значения.

Важно отметить и то, что в 1920-х гг. революция и Гражданская война были неразрывно связаны как в памяти общества, так и в рамках дискурса пропаганды. Поэтому на уровне памятных мест военно-революционные события также репрезентировались в их единстве.

После «освобождения от колчаковщины» в конце 1919 г. память населения региона о режиме А.В. Колчака была вариативной. Советская же политика памяти

ставила перед собой задачу «проработки прошлого»: унификации, идеологизации коллективной памяти о революции и Гражданской войне и вытеснении из нее сколько-нибудь позитивно окрашенных образов белой армии, Колчака и его политики в регионе. Одновременно власть стремилась к утверждению в коллективной памяти героических образов большевиков и Красной армии – «освободительницы». На протяжении всего изучаемого периода сохраняла актуальность дискредитация коллективной памяти о «колчаковщине», под которой понималось не только контрреволюционное движение. Все негативные последствия Гражданской войны в социальной, демографической и хозяйственной сферах большевики также называли «колчаковщиной», полностью перекадывая ответственность за «разруху» на побежденного врага. С середины 1920-х гг. советская пропаганда активно использовала негативные образы прошлого России и Сибири, в том числе образы «колчаковщины», с целью оттенить всесторонний прогресс в послереволюционном развитии страны, представление о котором навязывалось обществу.

Использование дореволюционных коммеморативных традиций в 1920-х гг. отразилось, в частности, в фиксации внимания на памятных местах в связи с политическими праздниками и памятными датами. Годовщины и особенно юбилеи событий вызывали необходимость «освежить память», что на практике означало ее «проработку» и коррекцию. Круглая дата служила предлогом для трансляции и укрепления в общественном сознании определенной версии памяти о событии, которая соответствовала новой концепции идеологизации прошлого.

Истпарта вели учет и переписку с участниками военно-революционных событий. От этих людей им удавалось получить рукописи воспоминаний. К примеру, в 1925 г. сотрудники Томского истпарта обратились к 30 революционерам, проживавшим в их городе, с просьбой ответить на вопросы анкеты, в частности, о местах, где происходили революционные события. Истпарта также устраивали вечера воспоминаний с участием старых большевиков. Их выступления и дискуссии стенографировались. Музейщики старались лично встретиться с революционерами, подпольщиками и их родственниками, их ответы в ходе беседы записывались. Такие мемуарные источники создавались по шаблону и редактировались при расшифровке рукописей. Приводимые в них сведения были отрывочны и субъективны. Однако нельзя не признать, что данные источники отражают ту военно-революционную топографию западносибирских городов, которая существовала в памяти революционеров и подпольщиков. Мемуаристы четко называли важные, по их мнению, памятные места, которые часто резко отличались от общеизвестных памятных мест, связанных с дореволюционной историей городов Западной Сибири.

В начале XX в. памятные места в городах нашего региона были представлены преимущественно некрополем с многочисленными надгробиями и часовнями, имевшими мемориальное значение, а также архитек-

турными сооружениями, историческое значение которых жители городов признавали с течением времени. К примеру, опираясь на историческую справку о г. Омске, предложенную в справочном издании 1911 г. «Весь Омск», можно сделать вывод о том, что в начале XX в. омичи считали памятниками местной истории «старую крепость» (крепость, основанную путешественником, генералом-майором И.Д. Бухгольцем) на берегу Иртыша, а также тюрьму, где отбывал срок Ф.М. Достоевский и петрашевцы [9, с. 149]. Собственно памятников, созданных специально для увековечивания памяти о событиях, важных для сибиряков, было немного. Примером отражения мемориальной традиции светской культуры XIX в. может послужить Демидовский столп в Барнауле, закладка которого произошла в 1825 г. в честь 100-летия горного дела на Алтае. Традиция установления мемориальных досок в Западной Сибири дореволюционного периода еще не распространилась, при том что в столице их было немало и до 1917 г.

Лишь в 1921 г. была установлена и торжественно открыта первая мемориальная доска в Томске. Газета «Красное знамя» сообщала, что после первомайской демонстрации собралась большая толпа возле дома №4 на улице Садовой (современный адрес – ул. Ленина, д. 65). Именно там состоялось открытие мемориальной доски «Изгнанникам империалистической войны в Сибири, погибшим за мировую революцию» [10]. В этом здании с марта 1918 г. располагался Совет военнопленных депутатов при Томском Совете рабочих и солдатских депутатов. Во главе его стояли венгерские интернационалисты Ф. Мюнних, М. Юнг, К. Рейтер, И. Силади и др. Совет военнопленных депутатов работал среди пролетариев зарубежных стран, формируя красногвардейские отряды интернационалистов. По наблюдению историков Е.А. Бесединой и Т.В. Бурковой, после революции создание мемориальных досок стало делом государственной важности. Идея повсеместно маркировать табличками здания, связанные с революцией, принадлежала самому вождю. Эти таблички нужны были не для актуализации в памяти того, что и так было известно участникам и очевидцам политических событий, а для широкого тиражирования истории, до сих пор запечатленной в памяти лишь узкого круга лиц [11]. Установка мемориальных досок, сообщавших жителям городов новую военно-революционную историю, продолжилась в последующие годы.

В 1925 г. в СССР отмечали двадцатилетие Первой русской революции. К этой памятной дате был приурочен сбор сведений о памятных местах, связанных с началом революционного процесса в Западной Сибири¹. Сотрудники Барнаульского истпарта, опираясь на воспоминания, выявили места, большинство из которых не было известно горожанам. В числе таких мест фигурировали: конспиративные квартиры большевиков на Гоголевской (дома № 93, 94 и 99) и на Бердской улицах Барнаула, тайная типография, Бобровский затон, как

¹ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 86. Оп. 1. Д. 39, 45.

место агитационной работы, и Дунькина роща, как место первого политического митинга большевиков. Со слов «пятигодников» было зафиксировано, что главной конспиративной квартирой в Барнауле считалась квартира А.Д. Васильева, находившаяся по адресу ул. Гоголевская, дом № 99. Там постоянно жили нелегалы, иногда по два-три человека. Установили и то, что одна из тайных типографий находилась на квартире Н.М. Тюфякова по адресу ул. Гоголевская, 94. Местонахождения другой типографии, созданной томским нелегалом по фамилии Мельников, барнаульские «пятигодники» так и не назвали. Все их свидетельства были отрывочными, а их точность оставалась на совести рассказчиков.

Примером сбора мемуаров о социалистической революции к десятилетию «Великого Октября» может послужить небольшая коллекция, созданная сотрудницей Томского краеведческого музея К.Н. Юхневич. Например, она задавала своим собеседникам вопросы о том, где именно происходили ключевые томские события. Так, М.Г. Александров упоминал станцию Томск-II как центр активной деятельности местных революционеров². Из записей бесед видно, что память об Октябрьской революции в Томске ассоциировалась у ее свидетелей с так называемым «домом Свободы» – бывшей резиденцией томских губернаторов. В 1919–1918 гг. в этом здании находился Томский губком РСДРП(б), штаб отрядов Красной гвардии и Издательство газеты «Красное знамя». Это памятное место было, в частности, отмечено в воспоминаниях П. Чебланова³. Начиная рассказывать о революции, томичи, как и жители других городов, обычно переходили к разговору о Гражданской войне и связанных с ней памятных местах. Так, томичка Л. Гокина упомянула конспиративную квартиру на Королевской улице, где до начала 1919 г. подпольщики хранили оружие. Она же в качестве памятного места, связанного с «колчаковщиной», назвала Татарское кладбище, где «допрашивали и пытали большевиков колчаковцы, а потом закапывали в землю еще живыми»⁴. В 1929 г., к десятой годовщине неудачного томского восстания против режима Колчака (27 марта) газета «Красное знамя» опубликовала такого рода материалы, основанные на воспоминаниях М.И. Чулкова. В этой статье также сообщалось о Татарском кладбище, где были сброшены в яму тела убитых повстанцев, а в декабре 1919 г. их перезахоронили на Соборной площади⁵.

Как мы уже отмечали, места, обретавшие значение памятных, фотографировали. Такие снимки использовались в выставочной и экспозиционной деятельности музеев, публиковались в периодических изданиях. В середине 1920-х гг. томский фотограф Н.В. Татауров отснял конспиративные квартиры рево-

люционеров, в том числе дом Т. Колмакова на улице Мухинской, где в 1903 г. находилась подпольная типография. Это было обычное старое здание, без особых маркеров оно вряд ли могло привлечь внимание⁶.

Сведения о военно-революционных памятных местах использовались и для составления экскурсионных маршрутов. Примером может быть маршрут, составленный сотрудником новосибирского истпарта Сафроновым к десятилетию «Великого Октября». По плану этой экскурсии предполагалось посещение 14 различных мест, разбросанных по городу. В их числе были здания, где провозглашалась и низвергалась советская власть, тюрьмы, где томились в заключении революционеры и подпольщики, братская могила узников новониколаевской тюрьмы, расстрелянных колчаковцами при отступлении, конспиративные квартиры подпольщицы Е.Б. Ковальчук и ее соратников из семьи Шамшиных. Предполагалось даже посещение левого берега р. Каменки и осмотр кустов, где колчаковцы расстреляли членов президиума Новониколаевского совдепа⁷.

Попытка пройти по этому маршруту сегодня отняла бы несколько часов. В самом начале логика движения экскурсантов определялась хроникой событий. Однако уже на четвертом пункте эта логика сбивалась. Братская могила и могила знаменитого руководителя партизанского движения П.Е. Щетинкина, который умер в 1927 г., демонстрировались прежде, чем объекты, имевшие отношение к событиям 1918–1919 гг. В результате у экскурсантов едва ли могла сложиться ясная картина последовательности событий. Часть из мемориальных объектов находилась на окраинах, в неприглядных местах. Однако их подбор для маршрута наглядно отражал взлеты и падения советской власти во время Гражданской войны, подчеркивал «зверства» колчаковцев и героическую стойкость большевиков. Контраст между зданием городского театра и кустами в овраге за Каменкой должен был оказывать сильное эмоциональное воздействие на экскурсантов. Мемориализация дома Шамшиных и Е.Б. Ковальчук, останки которой были погребены в неустановленном месте, отражали лозунг «Кто был ничем, тот станет всем!». При этом интерес к конспиративным квартирам, их включение в экскурсионные маршруты, по нашему мнению, все-таки имели основание в дореволюционной культуре памяти. Посещение домов подпольщиков, чья политическая деятельность была признана большевиками героической, напоминает, в частности, паломничество томичей к келье старца Федора Кузьмича в начале XX в. Отметим и то, что при своем несовершенстве экскурсионный маршрут Сафронова стал основой для официальной военно-революционной топографии Новосибирска, весьма актуальной вплоть до распада СССР.

² ГААК. Ф. 86. Оп. 1. Д. 39. Л. 11–12.

³ Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 1. Д. 46. Л. 10, 12.

⁴ Там же. Л. 57.

⁵ Там же. Ф. 4204. Оп. 1. Д. 28. Л. 5.

⁶ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-1313. Оп. 2. Д. 525, 678.

⁷ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-5. Оп. 2. Д. 736. Л. 1–6.

Воспоминания революционеров и подпольщиков 1920-х гг. раскрывали тайные тропы, по которым старались незаметно ходить те, кто был на нелегальном положении в военно-революционный период. Их маршруты нередко прокладывались по трущобам и окраинам, по старым кладбищам и безлюдным рощам. В 1920-х гг. памятным местом, достойным включения в экскурсионный маршрут и упоминания в музейной репрезентации прошлого или в праздничной газетной публикации, наряду с масштабными военно-революционными мемориалами, могли стать и такие объекты городской среды, как неприметный, старый дом или какой-нибудь овраг на окраине города. Фиксация внимания на конспиративных квартирах, местах тайных сходок и расстрелов возвеличивала героизм местных революционеров и подпольщиков из числа бедных и незначительных людей. Все это дает основание полагать, что в 1920-х гг. обозначилась перспектива формирования особенной региональной версии военно-революционной истории, далекой от объективности и сильно идеологизированной, но основанной на реальной памяти еще живых людей из круга революционеров и подпольщиков и на их ценностном осмыслении прошлого. Однако развития этой тенденции не последовало.

В последующем десятилетии в системе памятных военно-революционных мест городов Западной Сибири стали доминировать места, связанные с памятью о С.М. Кирове, В.В. Куйбышеве, и памятники В.И. Ленину. Что касается свободно изложенных воспоминаний о революции и Гражданской войне, которые могли бы обогатить карту памятных мест в городах нашего региона, то их практически уже не записывали. Память революционеров и участников подполья широко не тиражировалась, хотя в 1920-х гг. именно на это была направлена работа коммемораторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Памятники Новосибирска. Новосибирск, 1980. 112 с.
2. Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул, 1983. 141 с.
3. Памятники истории и культуры города Омска. Омск, 1992. Вып. 1. 126 с.
4. Рыженко В.Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах (региональный аспект). Омск, 2010. 340 с.

5. Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов А.Д. Пространство советского города (20–50-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири). Омск, 2004. 292 с.

6. Красильникова Е.И. Создание мемориалов на братских могилах «жертв колчаковщины» в Новосибирске и Томске: политический заказ и диалог с традицией (1920–1930-е гг.) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2014. Т. 2, № 2. С. 48–53.

7. Святославский А.С. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: автореф. дис... д-ра культурологии. М., 2012. 53 с.

8. Савельева И.М., Поletaev А.В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. М., 2004. 56 с.

9. Весь Омск: справочник-указатель на 1911 год. Омск, 1911. 329 с.

10. Открытие памятника // Красное знамя. 1921. 7 мая.

11. Беседина Е.А., Буркова Т.В. «В этом здании жил и работал»: мемориальные доски как образ исторической памяти // Труды исторического факультета СПб. ун-та. 2013. № 16. С. 45–67.

REFERENCES

1. Novosibirsk monuments. Novosibirsk, 1980, 112 p. (In Russ.)
2. Barnaul historical and cultural monuments. Barnaul, 1983, 141 p. (In Russ.)
3. Omsk historical and cultural monuments. Omsk, 1992, iss. 1, 1992 p. (In Russ.)
4. Ryzhenko V.G. The images and symbols of the Soviet city in modern research experiments (a regional aspect). Omsk, 2010, 340 p. (In Russ.)
5. Ryzhenko V.G., Nazimova V.Sh., Alisov A.D. The Soviet city space (1920s–50s.): theoretical concepts, regional socio-cultural and historical-cultural characteristics (on West Siberian materials). Omsk, 2004, 292 p. (In Russ.)
6. Krasilnikova E.I. Creating memorials to mass graves of Kolchak victims in Novosibirsk and Tomsk: the political order and a dialogue with tradition (1920–1930s). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014, vol. 2, no. 2, pp. 48–53. (In Russ.)
7. Svyatoslavskii A.S. Habitat as a memory space: on the history of the national memorial culture: abstr. of doctor diss. Moscow, 2012, 53 p. (In Russ.)
8. Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Social representations of the past: types and formation mechanisms. Moscow, 2004, 56 p. (In Russ.)
9. The whole of Omsk: a guide for 1911. Omsk, 1911, 329 p. (In Russ.)
10. The memorial opening. *Krasnoe znamya*. 1921, 7 May. (In Russ.)
11. Besedina E.A., Burkova T.V. «Lived and Worked in this Building»: plaques as a way of historical memory. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2013, no. 16, pp. 45–67. (In Russ.)

Статья принята редакцией 12.12.2016